

Имя в литературе

Дорогие читатели, сегодня в нашей литературной гостиной – Вера Кузьмина, замечательный поэт из Каменска-Уральского. Самый южный город Свердловской области не так далеко от нас, неполные пятьсот километров по трассе, а между тем, в Магнитке Вера, насколько мне известно, не была. Жалею о том, что в феврале 2019-го, на излёте допандемийной эпохи, не поехала в Челябинск на творческую встречу с ней. Казалось: вот же она, рядом, дружим в Фейсбуке, успеется. А когда решилась наконец просить её разрешения на публикацию стихов в «ММ», поняла, что уже давно не вижу её постов в соцсетях.

Адрес электронной почты Веры дала книгоиздатель, культуртрегер из Челябинска Марина Волкова: «Почтой поделюсь, а телефоном нет, ей сейчас трудно». На мой вопрос, можно ли чем-то помочь, Марина Владимировна с горькой иронией ответила: «Ковид уничтожить, – и пояснила: – Вера фельдшером в поликлинике работает, с обязанностями участкового врача. Сами понимаете, какая это нагрузка сейчас, тем более с её ответственностью и не убитой способностью сопереживать...» Через несколько дней я получила ответ из Каменска: «Берите, что захочется. Два года ничего не пишу. Пандемия всё сожрала. Если мои старые творения кому-то пригодятся и понравятся, буду рада».

Низкий поклон врачам, медсёстрам, фельдшерам, которые сейчас на передовой борьбы с коронавирусом. Спасибо светлему человеку Вере Кузьминой, которая не умеет отстраняться от чужой беды. Рано или поздно появятся время, силы, вдохновение для новых поэтических строк. А сегодня, пока Вера, не жалея себя, спасает жизни пациентов, её стихи врачуют души читателей.

Вера Кузьмина – поэт удивительной судь-

Душа уральской глубинки

«Художественного вымысла в моих стихах нет», – говорит Вера Кузьмина

бы. Когда её стихи оказались на взлёте популярности, литературоведы отказывались верить, что можно начать писать в зрелом возрасте – и сразу так мощно. Даже подозревали мистификацию: а вдруг за образом фельдшера из Каменска-Уральского стоит кто-то из маститых авторов? Но нет – Вера настоящая, живая, искренняя и открытая, и в этом давно убедились её читатели на встречах с поэтессой Кузьминой в столице и на Урале.

На портале «Стихи.ру», где Веру включили в число экспертов проекта «Большой литературный клуб», размещена её краткая автобиографическая справка: «Родилась в Каменске-Уральском в 1975 году... Очень люблю читать, в соседней библиотеке перечитала все книги. Стихи пишу с 2011 года. Люблю лес, сад и людей – хороших. Печталась в журналах «Наш современник», «День и Ночь», «Москва», «Наша молодёжь», «Хомо Легенс», в газете «Графоман» города Вельска. В основном – публикации не в реале, а в Интернете. Регалий и званий не имею».

А между тем у Веры Кузьминой более 150 тысяч читателей на портале «Стихи.ру» – там её можно найти по самоироничному псевдониму Веник Каменский – и множество подписчиков в Фейсбуке. Это не считая тех, кто полюбил её стихи благодаря публикациям в литературных журналах, поэтических интернет-альманахах и вы-

шедшей в 2014 году книге «Медицина здесь бессильна» (12+), pdf-версию которой можно свободно скачать в Сети.

Как я встретила со стихами Веры Кузьминой? Уже и не вспомнить, но, кажется, они были со мной всегда. Да, и я стараюсь не перечитывать их при посторонних – трудно сдержать слёзы... В чём их секрет? В подлинности сюжетов, судьбе, радости и боли. В интервью Петру Алёшкину (журнал «Наша молодёжь» от 15 октября 2015 года) Вера Кузьмина рассказывала:

– Художественного вымысла в моих стихах нет. Это кажется мне неинтересным, а главное – у меня это плохо получается. Моё раннее детство прошло в бараче, на окраине города. Там жили в основном рабочие с заводов (а заводов у нас очень много), старики со старухами и жулики. Позднее матери дали квартиру от завода, где она работала, но я всегда старалась уйти оттуда – на старом месте казалось теплее... Пишу чаще всего на кухне, когда готовлю. Или когда копаю в огороде землю. Или хожу пешком. Когда заняты руки и ноги – голова отдыхает. А когда отдыхает голова, находит время – вспомнить, что было: кого видела, с кем и о чём говорила. И остаётся только записать».

В её стихах обретает голос душа уральской глубинки. А главное, они честные. Порой жёсткие и бескомпромиссные, порой – горькие, трагические, но всегда светлые. Как сама жизнь.

✍ Елена Лещинская

Вера Кузьмина

Поэзия

✍ Вера Кузьмина

Не оставь

В этом теле – минимум три души, и у каждой больше семи путей. Первой прямо в руки плывут ерши: хороша уха для её детей. Ей с работы мужа-губана ждёт, греть ведёрный чайник – с вареньем пей – и горбатых ландышей-жерябят запрягать в тележку неспешных дней. На святую Пасху рядиться в шёлк, красоваться – в ушках блестит рысьё. Если вдруг зайётся серый волк – за белой печкой лежит ружьё.

У второй – в шатре конопля и плов, а её слова – золотой шерbet. За неё Иаков служить готов восемь раз по восемь пастушьих лет. Запоёт псалмы – и заплачет полк: рядовые – Сим, и Яфет, и Хам. Ей не страшен даже тамбовский волк – слушать песни ляжет к её ногам.

А у третьей – кинь, и выходит клин, вместо крыш и лавок – одни горбы. Ей в ладони плачет пяток рябин и дубок у крайней кривой избы: за живых и тех, кто уже ушёл, за Васятку – мать заспала мальчика, за Степана с заворотом кишок, за Никиту – он заменил отца. Всё бы славно, если б не три по сто, а потом пивка, а потом базлать. Третьей слышат: «нету для вас местов», «убирайся», «дурочка», «не со зла»... Третьей – с детства спать на краю крутом: у дощатой стенки сопит сестра. Серый волк-волчок залезает в дом, под лунницей шкура его пестра. Это сон, а может, лихая явь: подойдёт и сцапает за бочок...

Ты вот эту девочку – не оставь. Ей не выжить, если придёт волчок.

Ветрова

Ветрова входит в девятый класс,
В дух табака и мела.
«Ну, стрекулисты, и кто ж из вас
Блоку усы приделал?
Проще молчать да глядеть из нор?
Ладно. Урок». И сходу:
«Девушка пела...» – в церковный хор,
В платё, в святую воду,
В Блока – не в долбаный «город-сад»,
Не по программе – нате!
...Знаешь, никто не придёт назад:
Бросивший Каца батя,
Мишка – подколотый брат-близнец,
Райка (лейкоз, в двенадцать),
Спившийся к серым чертям отец –
Блок, он для всех забачал.
Школьные быстро бегут часы,
Всё б им долбить да цокать...

«И нам стоять – прочнее прочного...»

Кто-то втихушку подтёр усы
На перемене Блоку.
Ветрова буркала: «Классный час...
Пропись... дерьмо по-флотски!»
В лицах сыграл наш девятый класс
Суд над поэтом Бродским.
Ворон летит, воронко летит...
«Браво, актёры! Просим!»
Каца мы больше не звали «жид»,
Бродский он был да Ося.
Я понимала: закрыта дверь,
Девкой мне быть – не Бродским...
«Вера, тебе ведь лететь – поверь.
И сигареты – брось-ка».
Ветрова с палкой едва-едва
Тащится коридором:
Огненно-рыжая голова,
Блузка с цветным узором,
Только нога не идёт никак,
С детства короче – чурка.
Глянь – а за нею Иван-дурак,
Наш математик Дуркин.
В классе закрылись, но слышно мне...
«Ты же калека, Катя.
Да, поматросил. И да, к жене.
Да, пожалел, и хватил».
«Ваня, хороший ведь ты, не злой,
Даже когда поддавший...»
Я облила ему стул смолой –
Что я ещё могла-то?
Ветрова, Ветрова. Да, люблю.
Помню – опять да снова,
Помню Цветаевскую петлю,
Камеру Гумилёва.
Ветрова... Помню твою доху,
Палку, платочек серый.
Знаю, увидимся... там, вверху.
«Что, прилетела, Вера?»

Ягоды

«Что, сладкая?» – «Сыночек, очинно!»
«Бери, Эльдар, закусим брют...»
Стоят старухи на обочинах
И землянику продают.
Две сотни от владельца Ауди...
«Купите свежёл!» – «Отвяжись.
Эльдар, я от пейзажков в ауте».
...И мимо пролетает – жизнь.
Не так давно пиццала барыня,
Сверкая лаковыми плечом:
«Иван, да осадил же карего!
Старуха, ягоды почём?»
Ах, баре, пироги на блюде вы:

Ать-два, и слопали пирог
Реформы, войны, революции,
А бабки те же вдоль дорог.
И нам стоять – прочнее прочного,
Дышать и хлебом, и сосной,
Пока старухи на обочинах
Торгуют ягодой лесной...

Сытым

Калитка, лавка, листья клейкие –
(На ум приходит – «зеленя»).
«Ты чьих же будешь – Голошейкиных?» –
Старуха спрашивает меня.
Бабуся нынче кости старые
Созрело майское тепло...
«Така ж высока, дикошарая,
И платье на груди мало.
Весь оклаж сходится с Татьяной-то –
Жила у лога на краю».
Стою. В груди стрелой натянутой:
«Про бабу Таню про мою».
И вот уже идём чаёвничать
В смешной старушечий уют,
И подстаканничек полковничий,
Как президентше, мне дают.
Людское – людям, Богу – Богово,
А сушки – хоть бы и царю...
Я с бабушкой, что жилава впроголодь,
Опять про голод говорю.
Про то, как Танька Голошейкина
Получку, чтоб долги отдать,
Делила, звякала копейками,
Ругаясь – мать да перемасть,
В остатке лишь на лук с чернышкой,
Вот так она жила-была...
Над церковью пустыми чашками
Лежат крутые купола,
А Годунов – из рая, а да ли
Глядит, поднявшись в полный рост,
Как с неба тихо крошки падают
На острия кремлёвских звёзд.
Он помнит о Великом Голоде,
А бабка – тридцать третий год:
Полова, жмых, сурепка, жёлуди –
И снова сушки мне суёт.
Мы хуже их – блудницы, мытари,
Ошмётки сала на ноже.
Мы – в первом поколении сытые,
А кто-то сытенький уже.
Нагрелся подстаканник звончатый...
«Ты ешь давай!» – «Бабуля, ем...»
Дай Бог, чтоб сытость не закончилась
И чтоб она не стала – всем.

Сказка про рыбку, старика и старуху

Там, где уицей тянет из старых кухонь,
Где от ж/д платформы летят гудки,
Жил-поживал старик со своей старухой
Возле холодной мутной Исеть-реки.
Жил-поживал, добра наживал и нажил:
Двушка (не в центре, дальше пойдёшь – базар),
Кот на окне, а в банке – ротанчик Сажка
(Пойман в реке два года тому назад).
...Маятник жизни рубит – сечёт секунды.
Запах лекарства. Дед задремал, кажись.
Бабка ротану шепчет: «Уж больно скудно...
Рыбка, ты дай ему хоть годок пожить.
Вот – завелась хвороба, змея в колоде.
Сразу – четвёртой стадии... Вышел весь».
Если просить ротана – полегче вроде.
Бог далеко, не слышит, а рыбка здесь?
Тихо в дому... Какой человек нужнее?
Чтоб говорить? Важнее – вдвоём молчать.
А за окном клубничный закат болеет,
Солнце далёкий Бог приложил – печать.
А за окном – посёлочек, страна, планета.
Столько людей, а нужен одной жене.
Прочим – и даже рыбке – и дела нету.
Просит старуха: «Дай хоть полгода мне,
Чтоб просыпаться вместе, поить компотом,
Чтоб показат, какой получился слон –
Сшила его из старых своих колготок,
Будет играть соседкина Айшахон,
Я называю девку попроще – Анькой...»
Крепко заснул старик, тяжело дыша.
Бабка ротана в тесной стеклянной банке
Тащит к воде сквозь заросли камыша.
Льётся Исеть в старухины сапожишки.
«Ладно, плыви... За это – хоть месяц дай!
Месяц... Ведь я не жадная... Месячишко!»
А вдалеке – луна и собачий лай.
Кот на окне... А рыбки-то нету в доме,
Где-то башку в речную суёт траву.
...Пять январей онколог ворчит: «Феномен...»
Даже собрался вроде писать в Москву.
А на реке туманы стоят, туманы,
Крик поездов с моста разрывает тьму.
Вот интересно – сколько живут ротаны?
Так же, как люди, – как повезёт кому?
А на Исети ловят на хлеб и муху,
На мотыля с перловкою рыбаки...

Тихо живёт старик со своей старухой
Возле холодной мутной Исеть-реки.